

УДК 930 (470.64)

UDC 930 (470.64)

**СОСТОЯНИЕ КОММУНАЛЬНОГО
ХОЗЯЙСТВА В РЕВОЛЮЦИОННОЙ
ПРОВИНЦИИ: ТЕРСКАЯ ОБЛАСТЬ В 1917-
1920 ГГ**

**COMMUNAL ECONOMY IN
REVOLUTIONARY PROVINCE: TERSKAJA
OBLAST IN 1917-1920**

Гапеева Марина Сергеевна
к.и.н.
*Северо-Осетинский государственный
педагогический институт,
Владикавказ, Россия*

Gapeyeva Marina Sergeevna
Cand.Hist.Sci.
*North Ossetian State Pedagogical Institute,
Vladikavkaz, Russia*

Статья рассматривает проблему разрушения коммунального хозяйства в провинции в условиях революционных трансформаций 1917-1920 гг. в России, что стало следствием экономической разрухи и неспособности местных властей быстро решать возникающие проблемы

The article considers the problems of destruction of the communal economy in province in conditions of the revolutionary transformations in 1917-1920 in Russia, that was the result of the economic ruin in the country and inability of the local powers to settle the arising problems quickly.

Ключевые слова: КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО, ОТОПЛЕНИЕ, ТРАНСПОРТ, ГОРОДСКОЙ ВОДОПРОВОД, КАНАЛИЗАЦИЯ, ЗАБАСТОВКА, ЭПИДЕМИЯ ТИФА И ХОЛЕРЫ, ДОМОВЛАДЕЛЕЦ, ОБЩЕСТВЕННАЯ БАНЯ.

Keywords: COMMUNAL ECONOMY, HEATING, TRANSPORT, URBAN WATER SUPPLY SYSTEM, SEWERAGE, STRIKE, EPIDEMIC OF TYPHUS AND HOLERA, HOME OWNER, PUBLIC BATH-HOUSE.

В настоящее время интерес к революционной повседневности в исторической науке неуклонно возрастает. Объектом исследования историков становится то, что является необходимыми социальными потребностями человека, а именно: потребность в еде, жилище, одежде, безопасности и т.д. А в кризисные моменты жизни эти потребности становятся определяющими для каждого обывателя, и борьба за них порой отодвигает на второй план любые политические и идеологические идеи и цели.

Повседневный быт относится к наиболее консервативным сферам человеческого существования. Человеку свойственно создавать для себя комфортную среду и заботиться об ее неизменности. Быт мало зависим от политических перемен, и если уж они коснулись быта, то, значит, действительно были глубокими и определяющими.

Состояние домашнего быта в период революций и Гражданской войны можно охарактеризовать с нескольких позиций. Прежде всего, конечно же, это вопросы коммунального хозяйства, общие жилищные проблемы, от

решения которых зависит собственно комфортное и безопасное существование человека и его семьи.

Революция стихийно «ворвалась» в квартиры горожан, ущемляя их коммунальные удобства. Проблемой для жителей было значительно ухудшившееся санитарное состояние. Были разрушены или парализованы системы вывоза мусора и нечистот, повсеместно закрылись бани, некому было убирать улицы. Города утопали в грязи, мусоре и нечистотах.

В начале XX в. протяженность владикавказских улиц составляла примерно 33 км. Из них замощено было 18 км или чуть больше трети. Зимой мостовые и тротуары покрывались льдом и для удобства прохожих и проезжих их посыпали золой и рублеными гвоздями. Летом такой же проблемой становилась пыль, а весной и осенью даже центральные улицы утопали в непролазной грязи.

Канализационные трубы были проложены только в центре, а на окраинах их заменяли обычные канавы. К тому же и трубы и канавы постоянно засорялись, что способствовало появлению гигантских луж после каждого дождя.

Во Владикавказе в начале XX в. был пущен электрический трамвай. Трамваи состояли из одного или двух вагонов. Революционные события стали своеобразным испытанием для владикавказского трамвая. Перебои с электричеством, разрушенное депо привели к тому, что движение трамваев было сокращено до 19 часов, а сами трамваи ходили с перебоями: «В настоящее время движение трамваев происходит слишком нерегулярно, - сетовали горожане, - большей частью вагоны идут друг у друга в хвосте, передние переполнены, а задние – пустые. Благодаря этому пассажирам приходится по четверть часа ожидать вагона». [1] Крайне затруднительно было попасть в трамвай, битком забитый военными. Если раньше солдатам запрещалось ездить в трамваях, то теперь они заполняли вагоны, и ездили

бесплатно, это было оговорено в приказе начальника Владикавказского гарнизона.

Поэтому самым распространённым видом транспорта в городе оставался гужевой. Извозчики, пользуясь транспортными затруднениями, подняли таксу за провоз пассажиров: «за час 2 рубля с 2-х пассажиров, за конец в центральной части, т.е. не далее Госпитальной, Шоссейной, Михайловской; за пределы же этих улиц – 70 коп. за конец». [2] В результате повышения цены на услуги извозчиков даже не все представители среднего класса теперь могли позволить себе этот транспорт. Все чаще люди перемещались пешком.

В г. Грозном население составило к 1917 г. свыше 20 тыс. человек. Это показатель, конечно, меньше, чем во Владикавказе, но для маленького Грозного и такой прирост составлял серьезную проблему. Что касается благоустройства, то в этом отношении Грозный выглядел достаточно прилично. К 1917 г. в городе уже существовал телефон и электрическое освещение, центральные улицы и площадь были замощены булыжником. Трамвая в городе не было, но к услугам жителей было 65 экипажей, готовых везти пассажиров в любой конец города.

Гораздо хуже обстояли дела в малых областных городах. Примером может служить Кизляр: десять тысяч населения, пятьдесят собак и 34 арбы. [3,125] Ни водопровода, ни ассенизационного обоза, а на улицах, как в старину, горят керосиновые фонари. Еще более традиционными были другие города – Моздок, Георгиевск, Пятигорск. Последнему еще повезло, что он оказался российской здравницей. В 1916 г. возникло акционерное общество «Курорты и культура», целью которого было устройство санаториев, гостиниц и пансионатов. [4,209] Сюда стекались разные люди, вокруг города крутились большие деньги, что отражалось и на самом городе. В других городах жизнь, казалось, заснула.

С первых же дней революции коммунальное хозяйство города Владикавказа, как, впрочем, и других городов области, стало разваливаться. Одной из причин этого была непродуманная ротация состава Городской думы: «Люди, совершенно незнакомые с городским хозяйством, в особенности с сущностью городских финансов, люди временные, случайные, совершенно незаинтересованные в судьбе родного нам города, взялись за чуждое для них дело, и в результате целый ряд учреждений был варварски разрушен без нужды для завоеваний революции. Начали расходовать скромные городские средства, учреждали целый ряд должностей, совершенно ненужных, создаются синекуры...».

[5] Сравнивая расходы на благоустройство города (очистка и поливка улиц, площадей) с содержанием исполнительных комитетов и содержание правительственных учреждений, приходится констатировать, что последнее значительно превосходит городские нужды. Первым грозным предостережением такого способа руководства стал дефицит по смете в 530 тыс. руб. за 1918 г.

Наряду с такими приметами цивилизации, как телефон, водопровод, трамвай, фонарное освещение, на городских окраинах сохранялось и то, что придавало городам Терской области скорее сельский колорит. Среди городских улиц имелись небольшие лужки, на которых паслись коровы и лошади. Во Владикавказскую городскую управу неоднократно поступали жалобы на то, что «на городских лугах днем и ночью пасутся чьи-то табуны лошадей, каковые лошади, проникая на бульвар, пугают проходящую публику и загрязняют бульвары, а также ломают молодые деревья». К этому добавлялись сезонная перегонка (дважды в году) отар с гор и обратно: «В виду приведения в полный порядок бульвара по Фельдмаршальской улице, покорнейше прошу, - взывал к скотопромышленникам городской голова Г.В. Баев, - на время перегона

установить на этом бульварчике дежурство и организовать прогон баранты по Вревской улице до Купеческой на Чугунный мост». [6]

Неблагоустроенное состояние городов в революционную смуту всё более ухудшалось. Улицы убирались плохо, а затем и вовсе перестали убираться, пыль над городом стояла постоянно. Причин этому было несколько. Непрерывно в центрах городов проходили бесконечные митинги и шествия, что только усугубляло положение, добавляя грязь и пыль. К тому же дворники, по-своему понимая завоёванную свободу, не спешили приступить к своим непосредственным обязанностям, предпочитая им разговоры о «текущем моменте». За многочисленными скверами и бульварами не было должного ухода.

Не останавливаясь на всех фактах, характеризующих разруху, можно лишь указать, что большинство промышленных предприятий бездействовало; значительная часть домового фонда была разрушена; трамвайное движение к 1921 году, ввиду полного износа всех его элементов и отсутствия возможности снабжать трамвай электроэнергией, прекратилось. Электростанция, имея крайний износ агрегатов, резко сократила выработку электроэнергии. Улицы утопали во тьме. Зелёные насаждения не возобновлялись. На многих улицах мостовые превратились в груды камней. Тротуары перестали существовать. Улицы Владикавказа были в крайне запущенном состоянии, а на окраинах «после дождя представляли сплошную реку, которую приходилось, чуть ли, не переплывать». [7] Особенно нуждался в очистке район Верхне-Осетинской слободки, ибо во время дождей, благодаря уклону, навоз и нечистоты вместе с дождевыми водами устремлялись к центральной части города и в реку Терек. Подъездные пути к центральным свалкам на северо-восточной окраине города были в неисправленном состоянии. В районе Курской слободки образовалась низина, которая во время дождей представляла собой сплошное топкое болото, препятствующее движению людей и экипажей.

Врач Митник дал суровую характеристику санитарному состоянию города Владикавказа. «Неудивительно, - говорил он, - что в ясную тихую летнюю ночь невозможно выйти на лучшую улицу – Александровский проспект, чтобы не задохнуться от ужасного запаха выгребов». «Если прибавить помои, всякого рода отбросы, в особенности с мясных и рыбных торговых рядов, - заявил он, - то станет понятным, как загрязняются базарные площади, и как эта грязь разносится по всему городу и загрязняет почву, в особенности во время дождей и ливней». [8]

Еще одна проблема, связанная с неблагоприятным состоянием улиц, вскоре приобрела характер настоящей катастрофы. В короткий срок Владикавказ оказался буквально затоплен нечистотами. Вопрос этот был болезненным давно и связан с отсутствием в городе централизованной канализации. В богатых домах уже были установлены ватерклозеты, но все заканчивалось все той же примитивной выгребной ямой. Домовладельцы могли собственными силами заниматься очисткой отхожих мест, а при желании, за особую плату, прибегнуть к услугам ассенизационного обоза. Наряду с муниципальным обозом, обслуживающим большую часть города, действовал еще тюремный обоз, в составе которого трудились арестанты, осужденные на незначительные сроки.

Пресекать слив нечистот в неположенных местах было обязанностью полиции, и штрафы за это были велики. Тем не менее, на свалки вывозилась лишь $\frac{3}{4}$ отходов, т.к. «городская управа постановила повысить плату за вывоз мусора и нечистот (за открытую бочку – 5 руб., за закрытую – 4.50). Остальное сливалось бесконтрольно, и, в итоге, попадало в р. Терек. Однако уже в начале 1918 г. владикавказские власти бьют тревогу: «Город положительно утопает в нечистотах...Ямы переполнены, вонючие ручьи вытекают из дворов на улицы». [9]

Рабочие ассенизационного обоза дважды в год объявляют забастовки, требуя повышения заработной платы до 60 руб. в месяц при готовой

квартире и содержании. Домовладельцы, пользуясь исчезновением полиции, предпочитали сами сливать нечистоты в ближайший темный переулок. Начальник городской милиции был вынужден по этому поводу специально обратиться к властям: «Прошу неукоснительно исполнять все требования старой власти, направленные на улучшение санитарного состояния и поддержания порядка в городе: производства очистки отхожих мест, помойных ям, скалывания льда с тротуаров и посыпки их песком, очистки крыш от снега и прочее». [10]

К чести владикавказских властей, они пытались найти выход из этого положения, правда, без значительного результата. В марте 1918 г. город был поделен на 3 санитарных участка. В каждом из них жителям предлагалось выбрать из своей среды попечителя и его помощников. На них возлагалась обязанность следить за санитарным состоянием дворов и улиц, и в случае необходимости, штрафовать домовладельцев.

По данным санитарного бюро на начало 1918 года в разных частях города валяется 51 павшая лошадь. «Все трупы начали разлагаться и издавать зловоние. Санитарное бюро не в состоянии их вывезти, так как перевозка всех трупов обойдётся не менее 1200 рублей». [11] Ещё в 1917 году Городская управа предложила начальнику милиции обратить внимание домовладельцев на очистку улиц и тротуаров от мусора и грязи.

Эти обстоятельства не могли не способствовать развитию в городе эпидемических и прочих болезней.

Борьба с эпидемиями велась в теснейшей связи с профилактическими мероприятиями санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера. Предметом заботы стало общее санитарное состояние города и других населённых пунктов. Владикавказский Ревком в целях оздоровления города постановил предложить медико-санитарному отделу разбить город на семь районов (по числу пяти милицейских участков, одного заводского Алагирского и одного железнодорожного). Для

приведения каждого из этих районов в удовлетворительное санитарное состояние, медико-санитарным отделом была установлена следующая трудовая повинность:

- 1) очистка и уборка каждой усадьбы, не имеющей особого загрязнения и населённой не слишком тесно, - возлагается на жильцов её;
- 2) особенно загрязнённые усадьбы, базарные площади, всякого рода казармы и прочие жилища, тесно населённые, - должны были быть очищены и убраны особыми рабочими отрядами.

В рабочие отряды было мобилизовано население в возрасте от 16 до 45 лет, за исключением инвалидов и больных. На 6-ти часовой рабочий день людям для вывоза сухих и землистых отбросов были предоставлены телеги, арбы и фургоны с потребной живой тягой. Всю работу планировалось закончить в течение недели. [12]

В 1918 году все домовладельцы в «количестве до 800 человек» были вызваны к комиссару города Зайцеву для предупреждения о необходимости «содержать в чистоте улицы и дворы под страхом штрафа: 1 раз – 100 рублей, 2-й – 300 рублей, 3-й – 500 рублей, словом, вплоть до расстрела». [13,187-188] В обязанность домовым комитетам вменялось также производить посыпку песком или пеплом тротуары во время гололёда, дабы уберечь население от увечий.

В целях решительной борьбы с эпидемиями сыпного и возвратного тифа и в целях широкого привития в населении навыков чистоты, Исполком Советов Терской области 19 октября 1920 года издал приказ о передаче в ведение местных коммунотделов всех бань общественного типа и пользования, возложив санитарный контроль за последними на наркомат здравоохранения и его местные органы. Означенной передаче подлежали все бани, находящиеся в городе и обслуживающие одновременно не менее 80 человек каждая. [14]

Приказом № 1 от 24 июля 1920 года Особой Чрезвычайной комиссией по борьбе с холерными заболеваниями предлагалось милиционерам зорко следить за тем, чтобы вывозимые за город сухие нечистоты немедленно сжигались. Всем заведующим столовыми вменялось в обязанность поднять на должную высоту работу общественных столовых. А все учреждения военного и гражданского характера, фабрики, заводы, «всякого рода публичные увеселительные места должны во всякое время иметь достаточное количество остывшей кипяченой воды». [15]

До революции водопровод в городе функционировал, однако он обслуживал меньшинство населения. Поэтому жители окраин набирали воду в колодцах или прямо из Терека, где вода имела сомнительное качество. Однако водопровод постепенно выходил из строя и жители центральных районов (бывших буржуазных) стали страдать еще больше, чем жители окраин. Добыть нормальную воду было трудно. Лишь в 1920 году Владикавказский ревком принял срочные меры к проведению водопроводных труб и электрического освещения на окраинах города и обнадёжил население тем, что «в скором времени слобожане будут иметь у себя электричество и им не придётся носить воду на себе». [16]

Конечно, при желании домовладельцы могли подключиться к водопроводу. Однако, из-за частых перебоев в его работе, желающих было немного. В период революционной смуты работа водоочистительных сооружений была поставлена плохо, и населению приходилось пользоваться водоразборами или прямо добывать воду из Терека. По этой причине ванная в квартире была роскошью, а мылись обыватели в банях. Во Владикавказе существовало 5 бань: «Персидская», Басиева, Андреева, Караханова и Береславцева. С притоком населения в город оборудование бань не выдерживало повышенной эксплуатации и часто случались поломки. Так, днем 26 августа 1917 г. в бане Береславцева внезапно кончилась вода. «Публики, пришедшей в баню, была масса. По двору к

кассе тянулся длинный ряд ожидающих очереди. Многие выстояли в хвосте продолжительное время. Ввиду того, что вода стала идти слабо, в кассе была прекращена продажа билетов. Это многим не понравилось. В толпе преобладали женщины с детьми. Раздались крики, что «буржуазия все нарочно делает», что «баню нужно разгромить» и т.д. Толпа разошлась лишь через несколько часов. [17]

Этот эпизод очень показателен с точки зрения характеристики общественных настроений. Сугубо бытовая проблема мгновенно обрела политический характер. В том, что в бане кончилась вода, оказались виноваты все те же «буржуи». Преобладающей формой поведения масс становится бездумная агрессия, которая могла быть направлена на кого угодно.

Не лучшим образом обстояло дело и с тем, что определяло комфортность жилья – отоплением. Вместе с кризисом водоснабжения отягчал жизнь горожан и топливный кризис. Если промышленные потребители использовали минеральные виды топлива, то для обывателей главным видом оставались дрова. При этом поставкой дров в города до революции занимались частные лица. Революция, усложнившая ситуацию, отбросила существующие планы по поставке топлива и объективно привела к перебоям и непредвиденным трудностям в данной отрасли. Деятельность многих частных лиц по поставке дров была свернута. Дрова обыватели покупали в городских дровяных конторах. Стали вводиться ограничения на количество продаваемых дров – по 1 ½ сажень на квартиру, а доставка дров, которой также должна была заниматься дровяная контора, растянулась на 2-3 недели с момента их покупки. Нехватка дров привела к массовой вырубке пригородных рощ. В самом городе неизвестные люди стали разбирать заборы и пустующие деревянные строения.

Отопление квартир в предреволюционное время было трех видов: при помощи центрального отопления, отапливавшихся печами и смешанное,

когда при центральном отоплении в квартире были специальные кухонные плиты, отапливавшиеся отдельно дровами. Перебои в поставке дров и их вздорожание, таким образом, не только снижали температуру внутри помещения, но и могли серьезно затруднить приготовление пищи. Если жилец снимал квартиру у домохозяина вместе с отоплением (плата за отопление входила в наемную плату за квартиру), то именно домохозяин обязан был поддерживать в доме определенную температуру, причем городская дума, по новому квартирному закону, могла устанавливать для наймовца минимальную температуру жилых помещений, которая не должна была превышать 13 ° по Реомюру (16,5° Цельсия). [18,6] Отапливавшим самим свою квартиру жильцам приходилось закупать дрова в большом количестве и хранить их где-то в доме.

В вихре революционной стихии сильной деформации подвергся транспорт. Наряду с извозчиками во Владикавказе в начале XX в. исправно работал трамвай. Трамваи состояли из одного или двух вагонов. Первый вагон – моторный, тащил за собой прицеп. Начало войны привело к некоторым переменам в городском транспорте. Прежде всего, это коснулось некоторого свертывания строительства новых вагонов в результате переориентации экономики на военный лад. С началом войны начала обнаруживаться нехватка вагонов, увеличилось время ожидания трамвая. Как следствие – возросла нервозность и нетерпимость пассажиров. Долгое ожидание на остановках трамвая, а затем езда в переполненных вагонах озлобляло людей. Число перевозимых пассажиров увеличилось за счет солдат, которым до революции запрещалось ездить в трамвае. За проезд они не платили и, учитывая, что большая часть времени у них была свободна, они целыми днями катались в трамваях.

Местные власти пытались, насколько это было возможно в создавшихся условиях, решить проблему городского транспорта. Предлагалось увеличить скорость прохода трамвая за счет ликвидации некоторых

остановок, усилить одни линии за счет других и др. Однако, несмотря на эти издержки именно трамвай становился истинно народным.

Значение трамвая как общественного транспорта возросло в сознании горожан в процессе революционных катаклизмов. В данный период он приобрёл социально-психологическое значение, заключающееся в стирании неких социально-экономических сословных и классовых различий между горожанами, которые пока ещё не воспринимали трамвай как естественную часть повседневной жизни.

Таким образом, развал и разложение коммунального хозяйства был следствием экономической разрухи и слабости местных властей. Такое состояние коммунальной жизни есть показатель разрушения общественных структур, вызывающих нарастание классового и индивидуального эгоизма.

Пристатейный библиографический список

1. Терский вестник. 1917. 25 мая
2. Терский вестник. 1917. 9 июня
3. Хубулова С.А. Крестьянская семья и двор в Терской области в конце XIX – нач. XX вв. СПб., 2002. 215 с.
4. История Ставропольского края от древнейших времён до 1917 года / Под ред. В.П. Невской. Ставрополь, 1996. 539 с.
5. ЦГА РСО-А. Ф. 211. Оп.1.Д. 180. Л. 57 об.
6. ЦГА РСО-А. Ф. 211. Оп.1.Д. 192. Л. 5
7. Коммунист. 1920. 20 июня.
8. Цит. по: Плышевский В. Канализация (город Орджоникидзе прежде и теперь) // Социалистическая Осетия. 1960. 25 сентября
9. Терский казак. 1918. 10 июня
10. ЦГА РСО-А. ФР. 85. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
11. Горская жизнь. 1918. 18 января
12. Коммунист. 1920. 24 апреля
13. Полгода во Владикавказе. Отрывки из анонимного дневника 1918-1919 // Дарьял. – 2000. - № 2. С. 185-197.
14. Листок приказов. 1920. 23 ноября
15. Коммунист. 1920. 24 июля.
16. Коммунист. 1920. 6 мая.
17. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 1. Д. 3. Л. 74.
18. Новый квартирный закон (Постановление Временного правительства об установлении предельных цен на квартиры и другие помещения). М., 1917. С. 6